

## Глава 18

### Император в Санкт-Петербурге

По замечанию одного иностранца, «император за утро успевал переделать больше дел, чем все сенаторы за целый месяц». Даже зимой, когда в Петербурге светает не ранее девяти часов, Петр поднимался в четыре и тут же, в ночном колпаке и старом китайском халате, принимал доклады или совещался с министрами. Наскоро перекусив, он к шести часам отправлялся в Адмиралтейство, работал там час, а иногда и два и затем ехал в Сенат. Домой государь возвращался к десяти и до обеда, который подавался в одиннадцать, работал в токарне. После обеда царь, где бы он ни находился, непременно ложился спать и часа два отдыхал. В три часа пополудни Петр уже снова был на ногах – выезжал осматривать город или уединялся в кабинете со своим секретарем Макаровым. В кармане он обыкновенно носил тетрадь, в которую записывал заслуживающие внимания идеи, замыслы и предложения. Если же тетради при нем случайно не оказывалось, царь делал заметки на первом подвернувшемся под руку клочке бумаге. По вечерам Петр навещал своих сподвижников или посещал ассамблеи – публичные увеселения, заведенные им по возвращении из Франции.

Распорядок этот, безусловно, не был незыблем. Временами царя едва можно было застать дома, но случалось и так, что Петр почти не покидал своего кабинета: зимой 1720 года царь в течение пяти месяцев трудился не покладая рук, по четырнадцать часов в сутки, набрасывая и переписывая проект Морского устава. Работать с бумагами царь предпочитал стоя за вывезенной из Англии ореховой конторкой, столешница которой возвышалась над полом на пять футов шесть дюймов.

За обеденным столом Петр обнаруживал прямо-таки матросский аппетит. Царь отдавал предпочтение сытной, но простой и здоровой пище. Больше всего он любил щи, жаркое, свинину в сметанном соусе, холодное мясо с солеными огурцами или лимонами, миноги, ветчину и овощи. Сладостей Петр почти не ел, а на десерт ему подавали фрукты и сыр: особенно ему нравился острый – лимбургский. Царь избегал есть рыбу, считая, что она ему вредна, а потому в посты обходился фруктами и хлебом из муки грубого помола. Перед обедом он обычно выпивал немного анисовой водки, а запивал кушанья квасом или венгерским вином. Куда бы царь ни направлялся, в его экипаже всегда имелся запас холодной провизии, поскольку проголодаться он мог когда угодно. Даже если он обедал не дома, ему неизменно подавали деревянную ложку с черенком из слоновой кости, а также нож и вилку с зелеными костяными ручками – Петр всегда пользовался только своими приборами.

Дома, вдвоем с Екатериной, царь обедал запросто, без церемоний. Он частенько садился за стол в одной рубашке, а прислуживали царской чете только молоденький паж да любимая служанка. Когда на обед к государю приглашались министры или генералы, трапезу обслуживали личный повар Петра, денщик и два пажа, однако, как только подавали вино и десерт, царь отсылал слуг из столовой. «Лакей при столе смотрит всякому в рот, – объяснял этот обычай Петр в беседе с прусским послом, – подслушивает все, что за столом говорится, понимает криво, а после так же криво пересказывает». Царский стол никогда не накрывался более чем на шестнадцать персон, и гостям надлежало рассаживаться без чинов – кто как успеет. Усевшись с Екатериной за стол, царь заявлял: «Господа, занимайте места сколько за столом будет, а кому не хватит, пусть едут домой да обедают со своими женами».

Император любил откусать под музыку. Когда, бывая в Адмиралтействе, он подкреплялся копченым мясом и слабым пивом из матросского пайка, с главной башни доносились звуки барабанов и флейт. Трапезы во дворце с генералами и министрами проходили под аккомпанемент труб, гобоев, французских рожков, барабанов и фаготов, составлявших военный оркестр.

Поваром у Петра служил саксонец по имени Иоганн Фельтен, приехавший в Россию в качестве кухмистера датского посланника. В 1704 году, отведав его стряпни, царь переманил

Фельтена к себе. Начав службу простым поваром на царской кухне, Фельтен со временем стал шеф-поваром, а затем и метрдотелем. Петр высоко ценил Фельтена за его мастерство и веселый добродушный нрав, хотя повару нередко доводилось попадаться царю под горячую руку. «Трость его частенько плясала у меня на спине», – вспоминал впоследствии Фельтен. Однажды он подал Петру лимбургский сыр, который государь особенно любил. Съев кусочек, царь достал из кармана циркуль, тщательно обмерил остаток, записал размеры в тетрадь и велел Фельтену спрятать сыр подальше и сберечь его в неприкосновенности. На другой день, когда сыр снова оказался на столе, Петру почудилось, что кусок поубавился в размере. Царь взялся за циркуль, заново измерил сыр, сверил результат со вчерашними записями в тетради и удостоверился, что не ошибся, – сыра и впрямь стало меньше. Петр немедленно вызвал Фельтена и основательно отходил его тростью, после чего сел за стол и доел остаток сыра, запивая его вином.

Петр не выносил помпы и в личной жизни был скромен и бережлив. Он предпочитал старую, привычную одежду и выдавшие виды сапоги и башмаки. Царские чулки бывали заштопаны и залатаны во многих местах его женой и дочерьми. Петр редко носил парик, и только к концу жизни взял за обычай покрывать обритую на лето голову париком, изготовленным из его собственных волос. Летом он никогда не носил шляпы, а в холодное время надевал форменную черную треуголку Преображенского полка и старый кафтан, вместительные карманы которого вечно были набиты государственными бумагами. Имелись у него и нарядные, шитые за границей долгополые кафтаны с широкими обшлагами и отворотами – зеленый и светло-голубой с серебряным шитьем, серый с красным шитьем и красный с золотым шитьем – но надевал он их редко. На коронации Екатерины Петр, чтобы потрафить жене, обрядился в кафтан, который она собственными руками изукрасила серебром и золотом, но не преминул заметить, что деньги лучше было бы пустить на содержание нескольких солдат.

Простоту вкусов монарха подчеркивала скромность его двора. У него не было ни камердинера, ни ливрейного лакея. При царской особе состояли лишь два пажа и шесть денщиков, дежуривших в очередь по двое. Денщикам, молодым людям, набравшимся по большей части из мелкого дворянства или купечества, случалось выполнять самые разнообразные обязанности – они прислуживали за столом, развозили послания, сопровождали царский экипаж и оберегали сон государя. Бывая в разъездах, Петр порой ложился после обеда соснуть на соломе, положив голову, словно на подушку, на живот дежурного денщика. Один из тех, кому доводилось исполнять эту повинность, вспоминал, что во время царского сна он боялся даже шелохнуться; хорошо выспавшись, государь обычно бывал настроен благодушно, но гневался, если тревожили его сон. Стать государевым денщиком значило ступить на первую ступень лестницы, ведущей к успеху. Такие вельможи, как Меншиков и Ягужинский, тоже были в свое время денщиками. Обычно Петр держал денщиков при своей особе лет десять, после чего они получали должности на военной или гражданской службе. Впрочем, некоторые из них высоко не метили. «Один юный денщик был взят из певчих царского хора, а поскольку царь сам любил петь в хоре и всякий праздник стаивал на клиросе вместе с простыми певчими, он заметил среди них Пospelова, и юноша так приглянулся государю, что тот без него и минуты не мог прожить: по сто раз на дню гладил его по голове, целовал, а важнейших министров своих заставлял дожидаться, пока он наговорится с любимчиком». Петр был убежден в том, что показное великолепие не имеет ничего общего с подлинным величием. Он всегда вспоминал простоту и скромность двора Вильгельма III, правителя Англии и Голландии – в то время богатейших держав Европы. Не жаловал Петр и грубую лесть – когда два голландца, провозглашая здравницы в его честь, принялись восхвалять царя сверх всякой меры, он рассмеялся и, покачив головой, прервал их со словами: «Браво, друзья мои, спасибо». С людьми всех званий Петр обходился просто и свободно, редко придерживался дворцового этикета и не любил долгих, церемонных банкетов, утверждая, что они ниспосланы людям могущественным и богатым в наказание за их прегрешения. На пирах и официальных

приемах он обычно отдавал почетное место Ромодановскому или Меншикову, а сам пристраивался где-нибудь с краю стола, чтобы иметь возможность незаметно уйти. По городу император разъезжал в маленькой двуколке, с виду напоминавшей поставленное на колеса викторианское кресло. Некий иностранец насмешливо уверял, что ни один уважающий себя московский купец ни за что бы не сел в столь невзрачный экипаж. Зимой император ездил в простых санях, которые тащила всего одна лошадь, и сопровождал его всегда только один человек, сидевший рядом. Петр не любил ездить верхом и предпочитал поездкам пешие прогулки: так он мог больше увидеть, а если что-то привлекало его внимание – остановиться и приглядеться получше. С любым встречным царь мог запросто заговорить.

Привычка Петра свободно расхаживать по улицам таила в себе немалую опасность: у государя хватало врагов, тем паче что многие искренне верили, будто он не кто иной, как сам Антихрист. Однажды летом, когда Петр давал прием в Летнем дворце на Фонтанке, в прихожую незаметно пробрался неизвестный. В руках он держал мешок, подобный тем, в каких секретари и подьячие приносили бумаги на подпись государю. Человек этот тихонько встал в стороне и так стоял, не привлекая к себе внимания, пока не появился царь в сопровождении министров. В тот же миг незнакомец извлек что-то из сумки и, прикрывая извлеченный предмет опустевшей сумой, направился прямо к Петру. Поначалу никто из спутников государя даже не попытался преградить ему дорогу – незнакомца приняли за слугу или денщика одного из министров. Однако в последний момент один из царских денщиков бросился наперерез и схватил неизвестного за руку. Последовала схватка. Петр обернулся на шум и увидел, что на пол упал кинжал с шестидюймовым лезвием. Покушавшегося схватили, и Петр спросил, чего он хотел. «Убить тебя», – отвечал тот. «Но почему? Разве я чем тебе навредил?» – удивился Петр. «Мне – нет, но ты навредил моим единоверцам и нашей вере», – отвечал несостоявшийся цареубийца, который оказался старообрядцем.

Убийцы не слишком пугали Петра; но вот чего он действительно боялся до смерти, так это тараканов. Разъезжая по стране, он никогда не останавливался в доме, не убедившись наперед, что там нет тараканов. Как-то раз Петр, приглашенный отобедать в деревенском доме, спросил хозяина, не водятся ли в его избе тараканы. «Есть немного, – неосторожно ответил тот, – я тут одного живьем к стенке прибил, чтоб другим неповадно было». И при этом указал на стену, где и впрямь корчился приколотый таракан. «Государь, увидевши столь нечаянно ненавистную ему гадину, так испугался, что вскочил из-за стола, дал хозяину жестокую пощечину и тотчас уехал от него со своею свитою».

Петр был очень вспыльчив, и его никогда не покидала привычка воспитывать приближенных кулаком или дубинкою. Как бы ни был близок к царю вельможа, это не избавляло его от государевых тумаков; правда, отведав душу, Петр быстро успокаивался. Типичный в этом отношении случай произошел как-то в Петербурге. Петр ехал в своей маленькой двуколке с генерал-лейтенантом Антоном Девиером, петербургским полицеймейстером, который по должности своей отвечал за состояние дорог и мостов столицы. Проезжая по маленькому мосту через Мойку, царь заметил, что некоторые доски оторвались и болтаются, а иные и вовсе отвалились. Петр приказал остановиться, спрыгнул с возка и велел денщику починить мост. Пока тот работал, государь охаживал Девиера тростью по спине, приговаривая: «Впредь будешь ты лучше стараться, чтобы улицы и мосты были в надлежащем состоянии». Когда же мост привели в порядок, Петр добродушно обратился к поколоченному полицеймейстеру: «Давай, братец, садись», – и они поехали дальше как ни в чем не бывало.

Дубинка Петра не щадила ни малых, ни великих. Однажды, когда из-за штиля царская яхта на целый день застряла между Петербургом и Кронштадтом, государь спустился в каюту, чтобы, по обыкновению, вздремнуть после обеда, но через некоторое время был разбужен донесшимся с палубы шумом. В ярости Петр взбежал наверх, но на пустой палубе застал лишь тихонько сидевшего на ступеньках трапа пажа-арапчонка. Петр набросился на

мальчишку и отлупил его тростью, поучая: «В другой раз не будешь шуметь и будить меня, когда я сплю!» Однако на самом деле виноват был вовсе не мальчик, а государев лекарь, инженер и два морских офицера, которые сначала не на шутку расшумелись, а потом, услышав, что по трапу поднимается Петр, убежали и попрятались. Когда же царь ушел, они вернулись и пригрозили побитому мальчишке, что ежели он расскажет правду, то ему достанется еще и от них. Часом позже отдохнувший, а потому веселый, Петр вновь поднялся на палубу и с удивлением увидел, что арапчонок все еще плачет. Царь удивился, и мальчик сказал, что государь наказал его незаслуженно, и назвал истинных виновников шума. «Хорошо, – решил тогда Петр, – коли уж вышло так, что тебе зря попало, в следующий раз, как провинишься, я тебя прощу». Несколько дней спустя, когда царь опять взялся за палку, чтобы всыпать мальчишке, тот напомнил государю про его обещание. «И то правда, – согласился Петр, – я все помню, и раз уж ты был наказан заранее, сейчас я тебя прощаю».

Вспышки гнева, охватывавшие Петра, бывали ужасны. Однажды царь работал в токарне Летнего дворца над большим подсвечником из слоновой кости. Царю помогали придворный токарь Андрей Нартов и молодой подмастерье, которого Петр любил за прямодушие и веселый нрав. Парнишке было велено аккуратно снимать с государя ночной колпак, если тот садился в колпаке прямо за станок. На сей раз, в спешке, паренек «вместе с колпаком захватил несколько волос и подернул, причинив государю чувствительную боль». Взревев от ярости, Петр вскочил на ноги и бросился на злосчастного юнца, угрожая убить его на месте, так что бедняга едва успел унести ноги. На другой день Петр явился в токарню, напроць забыв о своем гневе. «Проклятый мальчишка больно дернул меня за волосы, – со смехом сказал царь, – однако он, верно, не нарочно это сделал, и мне приятно, что он ушел отсюда, пока я не успел еще вынуть кортик». Минуло еще несколько дней, и Петр заметил, что ученик так и не появился в мастерской. Тогда он велел Нартову найти бедолагу и сказать тому, что он может без опаски вернуться к работе. Однако разыскать беглеца не удалось даже с помощью полиции. С перепугу молодой человек удрал из Петербурга и сначала укрылся в маленькой деревне на Ладогe, а потом перебрался в Вологду, где сказался сиротой и под вымышленным именем был принят в дом одного стекольщика, который обучил юношу своему ремеслу. Лишь по прошествии десяти лет, уже после смерти Петра, бывший подмастерье осмелился открыть свое истинное имя и вернуться в столицу. Там он узнал от Нартова о царском прощении, был вновь принят на работу и трудился в придворной токарне в царствование Анны Ивановны и Елизаветы Петровны.

Петр сознавал, что порою бывал вспыльчив сверх меры, и с годами все чаще пытался обуздать свой нрав, хотя и без особого успеха. «Знаю я, что также погрешен, – говаривал царь, – и часто бываю вспыльчив и тороплив, но я никак за то не стану сердиться, когда находящиеся около меня будут напоминать мне о таковых часах, показывая мне мою торопливость и меня от оной удерживая, како Катенька моя делает».

И действительно, Екатерина лучше кого бы то ни было умела управляться со вспышками царского гнева – порой только ей это и было под силу. Она не боялась Петра, и он это знал. Однажды, когда жена никак не желала прекратить разговор на раздражавшую Петра тему, он вдребезги разбил дорогое венецианское стекло и пригрозил, что так же может избавиться и от самого лучшего, что есть во дворце. Екатерина прекрасно поняла его намек, но спокойно взглянула в глаза рассерженному мужу и спросила: «А станет ли твой дворец оттого краше?» Ей хватало мудрости не перечить Петру напрямую: вместо того она находила способ отвлечь его, заставить взглянуть на происходящее с другой стороны. Как-то раз она даже позвала на помощь Лизолу – любимую собаку Петра. Эта изящная серовато-коричневая левретка повсюду следовала за царем, когда он находился во дворце, а во время послеобеденного сна обычно лежала у него в ногах. Случилось так, что над одним придворным нависла угроза наказания кнутом, ибо царь считал его виновным во мздоимстве и был на него за то сильно зол. При дворе решительно все, включая царицу, были убеждены в невинности несчастного, но все прошения в его защиту лишь сильнее разжигали монарший гаев. Наконец, желая избавиться от назойливых просьб, Петр запретил всем, в том

числе и Екатерине, даже заговаривать с ним на эту тему. Однако Екатерина не унялась. От имени Лизетты она написала краткое, но весьма трогательное послание, в котором собака якобы обращалась с мольбой к своему хозяину. Бумага была привязана к ошейнику и таким образом попала в руки царя. Прочтя петицию, Петр улыбнулся и сказал: «Ну, Лизетта, ты в первый раз обратилась ко мне с просьбой, и я ее уважу».

Хотя в основном Петр не жаловал церемоний, на некоторых ему приходилось присутствовать по обязанности, а иные ему даже очень нравились. Больше всего он любил закатывать пир по случаю спуска на воду нового корабля. Несмотря на свою крайнюю бережливость, он никогда не скупился по такому поводу и устраивал в Адмиралтействе многолюдные приемы. На палубе вновь построенного корабля устраивался грандиозный банкет, на котором обязательно присутствовал царь. В такие дни лицо государя сияло, а голос звенел от возбуждения. Императора сопровождало все августейшее семейство, включая дочерей и немолодую уже царицу Прасковью, никогда не упускавшую возможности побывать на пиру и как следует угоститься. Шумная попойка продолжалась до тех пор, пока генерал-адмирал Апраксин, утирая горячие слезы, не начинал причитать, что «на старости лет остался сиротой круглым, без отца и без матери», а светлейший князь Меншиков не валился под стол, – тогда посылали за его женой княгиней Дарьей и свояченицей Варварой, и те принимались отпаивать и оттирать, приводить в чувство бездыханного министра, после чего просили у императора дозволения забрать князя домой.

Общественная жизнь в Петербурге вращалась вокруг свадеб, крестин да похорон. Государь со своими домочадцами любил пировать на свадьбах, где нередко выступал в роли посаженного отца. Доводилось ему бывать и крестным отцом – сколько раз царь держал над крестильной купелью детей простых солдат, мастеровых и мелких чиновников. Во всем этом Петр участвовал с удовольствием, однако крестникам не приходилось ждать от государя щедрых подарков. Обычно он ограничивался тем, что награждал мать ребенка отеческим поцелуем, а самому младенцу, по старому русскому обычаю, клал под крестильную подушечку целковый. По окончании церемонии Петр, если позволяла погода, скидывал кафтан и в одной рубашке усаживался за стол, на первое попавшееся свободное место. Когда ему выпадало быть «маршалом», то есть распорядителем пира, царь скрупулезно и деловито выполнял свои обязанности, а покончив с ними, ставил в угол свой маршальский жезл, брал жаркое с блюда прямо руками и принимался есть.

Зимняя стужа мало влияла на деятельный характер Петра. В такие дни, о которых Джеффрис сообщал в Лондон, что «все вокруг покрыто снегом и льдом и нельзя высунуть носа за дверь, не опасаясь отморозить его», Петр и Екатерина, сопровождаемые всем двором, выезжали в расположенное под столицей селение Дудергоф, «чтобы потешиться катанием, то есть быстрым скатыванием на санях с крутых гор». Еще больше царь любил другую зимнюю забаву – катание на льду под парусами. Перри писал, что «зимой, когда Нева и залив полностью покрыты льдом, он постоянно держит свои лодки готовыми для скольжения по льду под парусами. Каждый день, стоит только подняться сильному ветру, он выходит в залив и скользит под парусом по льду тем же манером, что и по воде».

Летом же Петр любил устраивать приемы к празднества в Летнем саду. Ежегодно 27 июня праздновали юбилей Полтавской баталии: на поле близ Летнего сада рядами выстраивались преображенцы в бутылочно-зеленых и семеновцы в синих мундирах, а сам Петр обносил солдат ковшом с вином и пивом, приглашая их выпить за победу. В центре сада, среди устроенных Леблонем фонтанов и каскадов, в окружении придворных принимала гостей Екатерина с дочерьми Анной и Елизаветой. Царица и царевны были облачены в роскошные, расшитые жемчугами платья, в их красиво убранных волосах сияли драгоценные камни. Рядом неподвижно, словно две восковые куколки, стояли Петр и Наталья – внук и внучка Петра, осиротевшие дети царевича Алексея. Воздав почести монаршей фамилии, гости рассаживались за деревянные столы, расставленные тут же, под деревьями. Предстояла обильная выпивка, и больше всего радовались этому обстоятельству бородатые священники – известные любители хмельного.

На одном из таких празднеств веселившиеся гости, в особенности иностранцы и кое-кто из дам, не на шутку перепугались, завидя в саду шестерых дюжих гвардейцев с ушатами сивухи, которую всем присутствующим надлежало выпить за государево здоровье. У ворот, чтобы никто не мог улизнуть из сада, были выставлены гвардейские караулы. Для желавших избежать угощения оставался один путь – к реке, где было пришвартовано несколько галер. Правда, святые отцы вовсе не думали спасаться. Очень довольные, они осушали чарку за чаркой, распространяя вокруг себя запах редьки и лука. Позднее царица и царевны приглашали гостей принять участие в танцах, которые устраивались на палубе галер. Над Невой грохотал пушечный салют, и небо озарялось огнем фейерверков. Веселье продолжалось до утра, но многие, не дождавшись окончания празднества, попросту валились наземь в саду и засыпали.

Похороны членов императорской фамилии и верно служивших государю вельмож обставлялись великой пышностью. Многие из бывших сподвижников Петра уже ушли из жизни. Ромодановский умер в 1717 году, и все его посты перешли по наследству к сыну Ивану. В 1719 году за Ромодановским последовал Шереметев, скончавшийся в шестьдесят семь лет – всего спустя несколько лет после женитьбы на молодой, образованной вдове, успевшей до того пожить в Англии. В 1720 году в возрасте восьмидесяти одного года умер Яков Долгорукий. Петр особенно ценил долгую и преданную службу иностранцев – некоторые из них провели в России чуть ли не всю сознательную жизнь. Пока они находились на службе, царь жаловал им поместья; а выйдя в отставку, они получали пенсион, переходивший по их смерти вдовам и осиротевшим детям. Петр никогда не позволял назначать пенсион ниже прежнего жалованья. Как-то раз Ревизион-коллегия порешила положить одному уходившему в отставку после тридцати лет службы иноземцу пенсию в размере половинного жалованья. Узнав об этом, Петр был раздосадован. «Что это, – спросил царь, – ужели ему по старости и дряхлости с голоду умереть? Кто будет о нем печься, как не я? Инако другим служить будет неохотно, когда за верную службу нет награды. Ведь для таких я не скуп».

\* \* \*

Для такого нетерпеливого, переполняемого энергией человека, как Петр, отдых был делом нелегким. «Что вы делаете дома? – спрашивал он порой окружающих, – я не знаю, как без дела дома быть». Он чуждался охоты, любимой потехи многих монархов. Французские короли дни напролет гоняли по лесам оленей, да и отец его, царь Алексей Михайлович, всякую свободную минуту посвящал соколиной охоте. Петр же не видел в этом занятии никакого проку. «Гоняйтесь за дикими зверями сколько вам угодно, – ответил он как-то на приглашение поохотиться под Москвой, – эта забава не для меня. Я должен вне государства гоняться за отважным неприятелем, а в государстве моем укрощать диких и упорных подданных». Любимой игрой Петра были шахматы, в них он готов был играть где угодно и с кем угодно, а потому носил с собой кожаную складную шахматную доску, расчерченную белыми и черными квадратами. Царь не возражал против азартных игр, и сам порой игрывал на деньги в голландские карты, но не ради выигрыша, а скорее для того, чтобы пообщаться с морскими капитанами и корабельными мастерами, бывавшими обычно его партнерами. Для солдат и матросов он установил строгое правило: проигравший более одного рубля должен был выходить из игры. Петр считал, что завзятые игроки думают только о том, как обставить друг друга, а потому на службе от них нет никакого толку.

Лучшим отдыхом для Петра был физический труд. По-настоящему он отдыхал, работая с топором в руках на Адмиралтейской верфи, вытачивая что-нибудь из дерева или слоновой кости в своей токарне или расковывая молотом полосу железа возле кузнечного горна. Некогда он целый месяц проработал молотобойцем в кузнице мастера Вернера Мюллера. Работал Петр старательно, каждый день проковывал по 720 фунтов железа, и когда обратился за платой, хозяин предложил ему дополнительное вознаграждение. Однако Петр

от него отказался и, получив обычную плату молотобойца, тут же отправился в лавку, где на заработанные деньги купил себе башмаки. Он очень гордился этой покупкой и, показывая башмаки, говорил: «Вот, заработал молотом, в поте лица».

Самым большим удовольствием для Петра были прогулки по воде. Когда же ему приходилось оставаться на берегу, он любовался корабельными учениями. По заведенному царем порядку, стоило сигнальной пушке Петропавловской крепости выстрелить трижды, как все суда, стоявшие на Неве между крепостью и Зимним дворцом, приступали к учениям. Корабли поднимали паруса, снимались с якоря и начинали маневрировать по фарватеру, меняя галсы. Государь с радостью наблюдал за маневрами из окошка Зимнего дворца. Ему также нравилось собирать чуть не весь город на лодочные прогулки по Неве. На улицах столицы вывешивались особые флаги, оповещавшие всех имевших суда горожан о том, что в назначенный час им надлежит собраться на реке, напротив крепости. По сигналу, данному Петром, флотилия направлялась вниз по Неве. Возглавлял ее сам царь, стоявший у румпеля собственной лодки. Многие дворяне брали с собой музыкантов, и над водой разносились звуки труб и гобоев. Ближе к устью Невы лодки обычно сворачивали в небольшой канал, который вел к Екатерингофу, загородному дворцу Екатерины. Там гости сходили на берег и, усевшись за расставленными в саду столами, утоляли жажду бокалом токайского.

Петр был большой охотник плавать по заливу между Петербургом и Кронштадтом. В хорошую погоду, когда над простиравшейся вокруг водной гладью голубело небо, светило яркое солнце, а волны с мягким шелестом ударялись о борт корабля, царь, взявшись за руль, забывал обо всех тревогах. Когда он проплывал вдоль береговой линии, взору его открывался прекрасный вид – от воды поднимались поросшие лесом холмы, на вершинах которых уже вырастали стены дворцов. Когда же, пересекая залив, он возвращался в Петербург, то сперва перед ним открывалось окруженное лесом устье Невы, затем над верхушками деревьев показывались купола церквей, крытые оловом, медью, а порой и золоченые, и, наконец, дома и дворцы вдоль набережных. Проведя день таким образом, Петр ступал на берег с облегченным сердцем и с новыми силами возвращался к повседневным трудам.

\* \* \*

Если Петр во всем любил простоту, то Екатерина, напротив, обожала великолепие. В последние годы царствования Петр окружил жену блеском, являвшим разительный контраст скромности его собственного двора. Царица любила наряды и украшения, возможно надеясь, что роскошь затмит воспоминания о ее низком происхождении. В свите Екатерины состояли пажи, разодетые в зеленые с красными отворотами и золотыми шнурами мундиры. В особые зеленые мундиры были наряжены и музыканты ее личного оркестра. Как ни странно, любимой компаньонкой царицы была Матрена Балк, родная сестра Анны Монс – фаворитки Петра до его встречи с Екатериной. При дворе государыни состояли также дочь пастора Глюка, приютившего некогда осиротевшую Екатерину, сестра жены Меншикова Дарья – Варвара Арсеньева, с давних пор сблизившаяся с Екатериной, Анися Толстая, знавшая Екатерину с ее первой встречи с Петром, молдавская княжна Кантемир, графиня Остерман, графиня Анна Головкина, дочь канцлера, ставшая впоследствии второй женой Ягужинского, дочь генерал-полицеймейстера Петербурга Антона Девиера и, наконец, Мария Гамильтон, состоявшая в родстве с женой Андрея Матвеева, в жилах которой текла шотландская кровь.

Из всех придворных дам особым прямотушием отличалась княгиня Настасья Голицына, неразлучная спутница Екатерины, сопровождавшая ее в поездках в Копенгаген и Амстердам. Княгиня оказалась замешанной в дело царевича Алексея и была даже подвергнута публичной порке, но впоследствии восстановила свое положение при дворе. Одно из писем, посланных ею из Ревеля в 1714 году на имя государя, дает возможность заглянуть в личные апартаменты Екатерины: «Всемилоостивейший государь, дорогой мой батюшка! Желаем пришествия твоего к себе вскоре: и ежели Ваше Величество изволишь

умедлить, воистину, государь проживание мое стало трудно. Царица-государыня всегда не изволит опочивать за полночь три часа, а я при ее Величестве безоступно сижу, а Кирилловна у кровати стоя дремлет. Царица-государыня изволит говорить: „Дремлешь?“ Она говорит: „Нет, не дремлю, я на туфли гляжу“, – а Марья по палате с постелью ходит, и среди палаты стелет, а Матрена по палатам ходит и со всеми бранится, а Крестьяновна за стулом стоит да на царицу-государыню глядит. Пришествием твоим себе от спальни получу свободу».

В апреле 1719 года судьба нанесла Петру и Екатерине страшный удар. Смерть царевича Алексея с беспощадной ясностью обнажила проблему престолонаследия. В живых осталось двое потомков Петра мужского пола – Петр Петрович – сын государя от Екатерины и Петр Алексеевич – внук царя, сын царевича Алексея и принцессы Шарлотты. Дядюшка, Петр Петрович, значительно уступал здоровьем своему племяннику, который был к тому же старше его на четыре недели. Родители берегли ребенка как зеницу ока и неустанно заботились о его здоровье и воспитании. Время от времени мальчик появлялся на дворцовых церемониях верхом на крохотном пони, однако рос он болезненным и все больше и больше отставал в развитии от своего живого, шаловливого племянника, великого князя Петра Алексеевича.

В феврале 1718 года, когда Петру Петровичу минуло два года, Алексей был лишен наследства. Дворянство и духовенство России присягнуло малолетнему сыну Петра и Екатерины, как новому наследнику престола, но уже четырнадцать месяцев спустя этот ребенок, трех с половиной лет от роду, последовал в могилу за своим сводным братом Алексеем.

Смерть любимого сына, с которым Петр связывал все надежды на будущее династии, ошеломила царя. В приступе отчаяния государь бился головой о стену, а затем на трое суток заперся в своей спальне, куда никого не впускал и ни с кем не разговаривал даже через дверь. Все это время он неподвижно лежал, распростершись на постели, и ничего не ел. Государственные дела застопорились, письма и прошения оставались без ответа: казалось, царь забыл даже о том, что идет война со Швецией. И хотя Екатерина сама была вне себя от горя, отчаяние, охватившее мужа, испугало ее. Она стучала в дверь, звала Петра, но тщетно – ответа не было. Со слезами на глазах царица обратилась за помощью к князю Якову Долгорукову. Престарелый сенатор как мог успокоил расстроенную Екатерину и созвал Сенат в полном составе перед запертой дверью государевой опочивальни. Долгорукий постучал в дверь, но Петр не откликнулся. Постучав снова, князь возвысил голос и объявил, что пришел в сопровождении всего Сената, ибо стране нужен царь, и что ежели Петр немедля не откроет дверь, то он, Долгорукий, обязан будет сломать ее и хотя бы и силой вывести государя наружу – это единственный способ спасти корону.

Дверь отворилась, и на пороге появился бледный, измученный Петр. «В чем дело? – спросил он. – Зачем вы пришли сюда и почему тревожите меня?» «Потому, – отвечал Долгорукий, – что из-за твоей чрезмерной и бесполезной скорби по всей стране растет нестроение».

Петр повесил голову. «Ты прав, – промолвил он и, выйдя из комнаты, подошел к Екатерине, мягко обнял ее и сказал: – Мы горевали слишком долго. Не будем больше роптать против воли Божией».

После смерти маленького Петра Петровича у Петра и Екатерины осталось трое детей – все девочки. В 1721 году Анне и Елизавете было соответственно тринадцать и двенадцать лет, а Наталье – три. Старшие царевны уже привлекали к себе благосклонное внимание иностранных дипломатов, подыскивавших выгодные партии для своих монархов. «Принцесса Анна, – писал камер-юнкер Берхгольц, чей государь, герцог Голштинский, впоследствии женился на этой царевне, – брюнетка; она хороша, как ангел, цвет лица у нее чудесный, а фигурой и руками она весьма походит на отца. Ростом она довольно высока для девицы, слегка склонна к худобе и отличается меньшей живостью, нежели ее младшая сестра Елизавета, которая была одета так же, как и она. На обеих принцессах были платья из великолепной двухцветной материи, без золотого или серебряного шитья, а головы их по

последней моде украшали жемчуга и драгоценные камни, так что их убор сделал бы честь лучшему французскому парикмахеру».

Спустя три года, когда Анне было шестнадцать, ее очарованию воздал должное барон Мардефельд, прусский посланник, бывший к тому же искусным рисовальщиком и выполнивший на слоновой кости миниатюрные портреты всех членов российской императорской фамилии. «Я не думаю, – писал он, – чтобы в Европе нашлась в настоящее время принцесса, которая могла бы поспорить с ней в красоте, а именно в величественной красоте. Ростом она выше обыкновенного, она при дворе выше всех остальных дам, но талия ее до того изящна и грациозна, будто природа создала ее рослою, чтобы и в этом отношении, как и в других, ее нельзя было сравнить ни с кем другим... Обращение ее чуждо всякого жеманства, но во всякое время ровное, и скорее серьезное, чем веселое... Она отлично говорит по-французски и по-немецки, и предпочитает чтение моральных и исторических книг всякому другому препровождению, и именно таких книг, которые развивают более ум и суждение».

О том же, какова была в свои пятнадцать лет Елизавета, мы можем судить со слов испанского посланника герцога Лирийского: «Она столь прекрасна, что никогда прежде не встречал подобной красавицы. У нее восхитительный цвет лица, великолепно очерченный рот, сияющие глаза, шея и грудь редкостной белизны. Она высока ростом и отличается весьма живым нравом. В ней чувствуется рассудок и обходительность и притом немалое честолюбие».

И Анна, и Елизавета получили обычное для европейских принцесс того времени образование, сводившееся к обучению языкам, светским манерам и танцам. Они уже знали верхненемецкий и начинали бойко говорить по-французски. Петр с недоумением расспрашивая учителей, для чего надобен французский язык, коль скоро немецкий распространен так широко, что на нем всюду можно объясниться. Ему отвечали, что, хотя это действительно так, все цивилизованные народы, не исключая и самих немцев, учат французский язык. Анна, ученица более способная, вдобавок немного знала итальянский и шведский. Желая похвастаться своими успехами, она и родителям во время их заграничных путешествий писала по-немецки. На одно из таких писем Екатерина в 1721 году отвечала: «Наставник твой и господин Девиер отписали мне, что ты, душа моя, прилежно учиться изволишь. Я тому весьма рада и посылаю тебе презент – бриллиантовое кольцо, – дабы к большему старанию поощрить. Выбери себе одно из них, кое тебе больше понравится, а другое отдай дорогой сестрице Елизавете и поцелуй ее за меня. При сем посылаю тебе ящик апельсинов и цитронов, кои только что доставлены на кораблях. Отбери несколько дюжин и отошли от своего имени светлейшему князю [Меншикову] и адмиралу [Апраксину]».

Много лет спустя, уже будучи императрицей, Елизавета вспоминала, с каким живым интересом следил отец за образованием дочерей. Она рассказывала, что он частенько заходил к ним в комнаты взглянуть, как идут дела, и требовал отчета о том, что выучено царевнами за день. «Если он был доволен, то я удостоивалась его похвалы, сопровождавшейся поцелуем, а иногда и подарком». Вспоминала Елизавета и о том, как сильно сожалел Петр о недостатках собственного образования. «Отец мой часто повторял, что отдал бы палец, только бы образование его не было таким запущенным. Ни одного дня не проходило, чтобы он не сокрушался по этому поводу».

Третья дочь, маленькая царевна Наталья Петровна, родившаяся в 1718 году, так и не дожила до начала серьезного образования. Внешностью она напоминала обоих родителей: круглолицая, черноглазая, с розовыми, словно бутон, губками и темными кудряшками надо лбом, точно как у матери. Эта царевна скончалась в 1725 году. Всего у Петра и Екатерины было двенадцать детей: шесть мальчиков и шесть девочек, но, кроме Анны и Елизаветы, никому из них не довелось прожить более семи лет.

Заметной фигурой в российском обществе того времени была старая, страдавшая подагрой царица Прасковья Федоровна, вдова сводного брата и бывшего соправителя Петра, царя Ивана. Овдовевшая в 1696 году Прасковья всю жизнь всячески демонстрировала

лояльность по отношению к Петру. Обе ее дочери, во исполнение внешнеполитических замыслов царя, вступили в династические браки с членами иноземных царствующих фамилий. По первому требованию Петра Прасковья переехала в Петербург, хотя ей куда больше нравилась тихая жизнь в принадлежавшем ей подмосковном селе Измайлово. В новой столице царица Прасковья стала неременной участницей всех увеселений, на балы и банкеты ее привозили в кресле на колесах, сидела она всегда рядом с Екатериной и едко комментировала все происходящее. Из желания угодить царю Прасковья даже ездила с ним в Олонец, на воды; правда, ее приближенным показалось, что после лечения царица почувствовала себя хуже, чем прежде. С возрастом Прасковья стала сварливой и ссорилась даже со своими старшими дочерьми. Обе они в конце концов вернулись на родину: живая и веселая герцогиня Екатерина Мекленбургская – в 1722 году, а герцогиня Анна Курляндская – в 1730 году, когда и была коронована императрицей. После одного из яростных споров Прасковья даже прокляла Анну и простила ее лишь незадолго до своей смерти.

Летом и осенью 1722 года, пока Петр и Екатерина были на Каспии, двор перебрался в Москву. Екатерина Мекленбургская жила со своей матерью в Измайлове и собирала там гостей со всей округи. Те съезжались по грязным проселочным дорогам в имение, где их ожидала чарка водки из рук самой герцогини, скверно приготовленный обед и танцы до полуночи. Когда от разгоряченных тел и зажженных свечей в маленькой гостиной становилось нестерпимо душно, гости перебирались в одну из спален – либо Екатеринину, либо в ту, где лежала больная царица Прасковья. Дом был спланирован до крайности неудобно: спальни были проходными и размещались между столовой и гостиной. Впрочем, светские приличия Прасковью заботили мало. Когда Петр вернулся с Каспия, Берхгольц среди ночи поспешил в Измайлово, чтобы первым сообщить эту весть царице. Обитательницы дворца уже улеглись в постель, но Екатерина, герцогиня Мекленбургская, так обрадовалась известию, что немедленно повела Берхгольца к матери, сестре и фрейлинам, хотя все они уже разделись ко сну. Голштинца поразила теснота и скудость убранства дома вдовствующей царицы. «Вообще, – отметил он в своем дневнике, – все это ночное посещение не доставило мне удовольствия, хоть мне и довелось увидеть множество голых шей и грудей».

\* \* \*

В 1718 году Петр учредил новый вид общественных развлечений – ассамблеи, которые собирались по вечерам два-три раза в неделю, чтобы скрасить долгую петербургскую зиму. Заводя ассамблеи, царь намеревался приучить своих подданных обою пола к совместному времяпрепровождению и надеялся привить петербургскому обществу изысканность и лоск парижских салонов. Поскольку подобные собрания были россиянам в новинку, Петр опубликовал правила, в которых растолковывалось, что представляют собой ассамблеи и как они должны проводиться. Правила эти Петр изложил в типичной для него дидактической манере – так и видишь перед собой учителя, дающего наставления ученикам: «Объявление каким образом ассамблеи отправления надлежит.

Ассамблеи – слово французское, которое на русском языке одним словом выразить невозможно, но обстоятельно сказать, вольное, в котором дом, собрание или съезд делается не только для забавы, но и для дела. Ибо тут может друг друга видеть, и о всякой нужде переговорить, также слышать, что где делается, при том же и забава. А каким образом оные Ассамблеи отправления, то определяется ниже сего пунктами, покамест в обычай войдет.

1. В которому дому имеет Ассамблея быть, то надлежит письмом или иным знаком объявить людям, куды всякому вольно притить, как мужскому полу, так и женскому.

2. Ранее пяти или четырех часов не начинается, а далее десяти по полудни не продолжается.

3. Хозяин не повинен гостей ни встречать, ни провожать, ни потчевать, и не точию вышеписанное не повинен чинить, но хотя и дома не случится оно, нет ничего, но токмо

повинен несколько покоев очистить, столы, свечи, питье, употребляемое в жажду, кто попросит, игры на столах употребляемые.

4. Часы не употребляются в котором быть, но кто в котором хочет, лишь бы не ранее и не позже положенного времени. Также тут быть сколько кто хочет, и отъехать волен когда хочет.

5. Во время бытия в Асамблее вольно сидеть, ходить, играть, и в том никто другому не прешкодит, или унимать, также церемонии делать вставанием, провожением и прочим, отнюдь да не дерзает, под штрафом великого Орла<sup>40</sup>, но только при приезде и при отъезде поклоном почтить должно.

6. Определяется, каким чинам на оные Асамблеи ходить, а именно, с вышних чинов до обер-офицеров и дворян, также знатым купцам и начальным мастеровым людям, также и знатым приказным, тоже разумеется и о женском полу, их жен и детей.

7. Лакеям или служителям в те апартаменты не входить, но быть в сенях, или где хозяин определит, также, когда в Австории [трактире], и в прочих местах будут балы или банкет, также не вольно вышеописанным служителям в те апартаменты входить, кроме вышеозначенных мест».

Хотя эти правила не требовали от хозяина подавать гостям что-либо, кроме чая или холодной воды, ему вовсе не возбранялось предлагать им сытный ужин и выставлять на стол множество напитков. В отличие от пирушек, которые устраивал Петр в мужской компании, на ассамблеях никого не понуждали пить и на перепивших смотрели с осуждением. Петр держал у себя список домовладельцев и сам отмечал в нем, чья очередь устраивать ассамблею. И хотя царь по-прежнему не любил официальных приемов у себя во дворце, он охотно соглашался выступить в роли хозяина ассамблеи, когда подходила его очередь.

На эти приемы собиралось все петербургское общество. В одной комнате танцевали, в другой играли в карты, в третьей мужчины чинно покуривали длинные глиняные трубки и потягивали пиво из глиняных кружек, а в четвертой кавалеры и дамы оживленно беседовали, смеялись и развлекали друг друга – что было совершенно немыслимо в старой России. Петр старался не пропускать этих собраний: оживленный и разговорчивый, он переходил из комнаты в комнату или, присев за стол, дымил своей длинной голландской трубкой и попивал венгерское вино, обдумывая очередной ход в партии в шахматы или шашки. Правда, не всегда ассамблеи проходили гладко. Как-то раз князь Григорий Долгорукий подрался за столом со своим давним недругом, молодым князем Ромодановским, из-за затянувшегося дела о разводе. Был случай, когда один из гостей, перебрав, влез на стол и принялся маршировать по нему, спотыкаясь о пироги. Но в целом посетители ассамблей вели себя вполне пристойно, что не могло не радовать венценосного ментора, чудесным образом пересадившего европейские обычаи на российскую почву.

Что касается дам из высшего петербургского общества, то большинству из них достаточно было всего раз побывать на ассамблее, чтобы принять это новшество с распростертыми объятьями. Прежде они были обречены на затворничество в теремах, теперь же перед ними открылась новая куда более интересная жизнь. Молодые незамужние девушки получили возможность встречаться с неженатыми кавалерами. Им нравилось наряжаться, танцевать и кокетничать. В обиход вошли изысканные, шитые по последней моде платья, а уж румян, по сообщению Берхгольца, петербурженки использовали никак не меньше, чем парижанки. «Правда, – добавлял он, – они по-прежнему не желают тратить долгие часы на сооружение замысловатых причесок, какие носят дамы при западных дворах. Русские не любят прикладывать больших усилий и превыше всего ценят покой, отказаться от которого для них слишком большая жертва».

Матери стремились нарядить своих дочерей по последнему слову немецкой или французской моды и привить им западные манеры. «Надо отдать должное здешним

---

<sup>40</sup> Нарушивший правила должен был выпить большой кубок крепкого вина. На кубке было изображение государственного герба – двуглавого орла. – *Примеч. ред.*

родителям, – писал Берхгольц, – они ничего не жалеют, лишь бы только дать своим детям хорошее образование, так что можно с удивлением отметить большие перемены, произошедшие в этом народе за столь короткое время. Нет более и следа тех грубых и неприятных манер, какие были присущи ему совсем недавно». Некоторым из этих юных особ помогла переменчивая судьба, нежданно обратившая несчастье в преимущество. Генерал Иван Трубецкой, долгое время содержавшийся в шведском плену в Стокгольме вместе с женой и дочерьми, в 1718 году был обменен на фельдмаршала Реншильда. По возвращении в Россию три его дочери, с детских лет жившие с отцом в Стокгольме и получившие в Швеции отменное воспитание, выгодно отличались от всех прочих девиц их круга.

Впрочем, по части любви к нарядам и украшениям мужчины в Петербурге не уступали дамам. Если в прежние времена русские дворяне надевали парадное платье по особо торжественным случаям и передавали его от отца к сыну, то теперь вошло в обычай заказывать множество новых, расшитых золотом нарядов. Один иностранец, увидев зашедшую в дом в морозный вечер компанию русских дворян, так описывал свои впечатления: «При входе в любой дом слуги немедленно бросаются навстречу гостям, чтобы помочь им освободиться от тяжелых шуб и меховых сапог. И не удивляйтесь, если из-под громоздких зимних одеяний, словно разноцветные бабочки, выпорхнувшие на свободу из своих коконов, появятся нарядные кавалеры, разукрашенные серебром, золотом, пурпуром и драгоценными камнями».

Великолепию нарядов соответствовала не меньшая пышность всех сторон жизни. Русские вельможи содержали полчища слуг и обряжали их в богатые ливреи. Они заказывали роскошную мебель, элегантные экипажи и редкостные заморские вина. Банкеты, балы и другие развлечения должны были демонстрировать их богатство, хотя зачастую само это богатство таяло без следа, поскольку безудержные траты незаметно поглощали все состояние. В правительственных приемных нередко можно было видеть офицеров и чиновников высокого ранга, которые, разорившись и наделав долгов, надеялись поправить свои дела, выхлопотав себе доходное местечко.

Одним из результатов освобождения женщин от векового затворничества стал известный упадок общественной морали, впоследствии названный князем Михаилом Щербатовым «повреждением нравов в России»<sup>41</sup>. Сведения об интимной стороне жизни самого Петра довольно туманны. В разное время его любовницами были Анна Монс и Екатерина. Ходили слухи о том, что его благосклонностью пользовались фрейлины царицы Мария Гамильтон и Мария Кантемир – некоторые писатели XVIII века живо описывали, как Екатерина разъезжала по Европе в сопровождении придворных дам, каждая из которых качала на руках ребенка, прижитого от Петра. Скорее всего, Петр и впрямь не отличался целомудрием, и рассказы о его связях с некой дамой в Париже и с одной лондонской актрисой вполне могли оказаться правдой. Однако не вызывает сомнения и то, что если эти интрижки действительно имели место, то Петр не придавал им особого значения. Екатерина хорошо это понимала и в своих письмах постоянно поддразнивала мужа. В ответ Петр добродушно, а может и виновато, отшучивался, уверяя, что такой «старик», как он, не может заинтересовать ни одну женщину.

Но если Екатерина могла поддразнивать Петра, то никому другому он этого не позволял. В 1716 году, во время пребывания царя в Копенгагене, король Фредерик IV с улыбкой обернулся к нему и, многозначительно приподняв бровь, сказал: «Ах, брат мой, я слышал, что у вас тоже есть любовница». Лицо Петра неожиданно помрачнело. «Брат мой, – отрезал он, – мне потаскухи обходятся недорого, а вот ваши стоят вам тысячи фунтов, коим можно было бы найти лучшее применение». На отношения между мужчинами и женщинами Петр смотрел прежде всего с точки зрения утилитарной морали. Он был снисходителен к нескромности и легкомысленному поведению до тех пор, покуда они не вредили обществу.

---

<sup>41</sup> Так называлась написанная во времена Екатерины II книга М. М. Щербатова. – *Примеч. ред.*

Вебер писал, что проститутки в России имели возможность свободно заниматься своим ремеслом. Но когда одна распутница «заразила несколько сот преображенцев, так что они не смогли выступить со своим полком в поход и вынуждены были остаться в Петербурге для лечения», она была бита кнутом за нанесение ущерба государственным интересам. Однако в целом царь не собирался стоять на страже целомудрия и преследовать подданных за внебрачные связи. Когда ему рассказали, как некогда Карл V запретил адюльтер под страхом смерти, Петр с удивлением спросил: «Как это может быть? От столь великого государя стоило ожидать большей рассудительности. Должно быть, он решил, что у него слишком много подданных. За непорядок и преступления надлежит карать, но государям подобает елико возможно беречь жизни своих людей». Если незамужняя женщина оказывалась беременной, ее поощряли к вынашиванию ребенка. Однажды, заметив, что ревнители морали ограждают незамужних девиц от общения с одной молодой женщиной, имевшей незаконнорожденного сына, Петр не только запретил лишать ее общества других женщин, но и взял мальчика под свое особое покровительство.

Можно найти немало примеров того, как придворные – и кавалеры, и дамы – умело пользовались снисходительностью Петра в подобных вопросах, а порой и устраивали свою дальнейшую судьбу. Царь позволил Ягужинскому развестись с первой женой, сделавшей его жизнь несносной, и жениться на графине Головкиной, бывшей, если верить дневнику Берхгольца, «одной из самых приятных и хорошо воспитанных дам в России». Хотя лицо ее было покрыто оспинами, зато она имела великолепную фигуру, свободно говорила по-французски и по-немецки, прекрасно танцевала и была неизменно весела и приветлива. Князю Репнину Петр отказал в просьбе жениться четвертым браком на его любовнице чухонке (Русская церковь признавала только три брака), но узаконил прижитых с ней детей и дал им фамилию Репнинских. Когда любимый царский денщик Василий Пospelов, дабы покрыть грех, женился на родившей от него ребенка флейтистке, Петр, погуляв у молодых на свадьбе, на следующий день явился на крестины их младенца. Царь поддержал притязания генерала Антона Девиера на брак с сестрой князя Меншикова. Девиер просил у князя руки девушки, но тот отказал, рассчитывая на более выгодную партию. Тогда генерал вступил с девицею в связь, и та забеременела. Девиер снова явился к Меншикову и объявил о своем желании узаконить ребенка, но разгневанный князь спустил его с лестницы. Однако просьбу Девиера поддержал Петр, и свадьба все-таки состоялась; правда, после смерти императора Меншиков сослал своего шурина в Сибирь.

Но сколь бы ни был Петр терпим к распутству, он становился неумолимым, когда оно приводило к преступлению – попыткам избавиться от плода или умерщвлению новорожденного. Один из самых драматичных примеров непреклонности Петра связан с делом Марии Гамильтон. Эта молодая женщина, одна из любимых фрейлин царицы, в результате своих амурных походов вытравила одного за другим троих незаконнорожденных детей. Первые двое были умерщвлены втайне, так что никто при дворе ничего не заподозрил, но третье убийство было раскрыто, и мать-преступницу арестовали. В тюрьме она созналась, что это уже третье детоубийство на ее счету. Уповав на благосклонность царя и царицы, фрейлина почти не сомневалась в помиловании, но, к своему удивлению, была приговорена к смерти. В день казни, облаченная в белое шелковое платье, отделанное черными лентами, она взойшла на эшафот. Следом за ней поднялся Петр. Он подошел к приговоренной и, склонившись над ней, заговорил. И сама преступница, и большинство присутствовавших предположили, что в эту последнюю минуту приговор будет отменен. Но Петр, поцеловав женщину, печально промолвил: «Без нарушения законов божеских и человеческих не могу я избавить тебя от смерти. Прими казнь, уповая на то, что Господь простит твои прегрешения».

Мария Гамильтон преклонила колени перед плахой и прочла молитву. Царь отвернулся, и палач нанес удар.

В последние годы своего правления Петр немало усилий употреблял на то, чтобы в Петербурге появились некоторые элементы жизни цивилизованного общества: музеи, картинные галереи, библиотеки и даже зверинец<sup>42</sup>. Как почти все новшества в России, вызванные к жизни единственно волею Петра, и эти нововведения отвечали собственному вкусу монарха. Он не слишком жаловал театр (предпочитая ему грубое шутовство Всеппянейшего собора) и имел столь же малую склонность к инструментальной музыке. Единственные театральные постановки, доступные русскому обществу, устраивала сестра Петра, царевна Наталья. Она создала собственный небольшой театр, приспособив для этого пустовавший дом, в котором оборудовали сцену, оркестровую яму и ложи. Вебер, побывавший на представлении, не испытал особого восторга. «Актеры и актрисы, которых всего десятеро, – вспоминал он, – все природные русские, ни разу не бывавшие за границей, а потому легко вообразить, на что они способны». Пьеса, которую он смотрел, была написана самой царевной и представляла собой нравоучительное повествование об ужасающих последствиях российского бунта. Если игра актеров разочаровала Вебера, то еще худшее впечатление на него произвел оркестр. «Оркестр состоит из шестнадцати музыкантов, – писал он, – все они русские, и музыке, как и прочим наукам, их учили с помощью батонов. Бывало, углядит генерал в полку лишнего солдата, да и решит, что тот непременно должен обучаться музыке, и его тут же отсылают к капельмейстеру, невзирая на то, что солдат не имеет ни малейшего представления о музицировании и вовсе не одарен талантом. Капельмейстер даст ему задание, которое тот через некоторое время обязан выполнить. Поначалу он учится обращаться с инструментом, а потом исполнять на нем какой-нибудь лютеранский гимн или менуэт – и так далее в том же роде. Если ученик не усвоил урока в положенный срок, в ход идут батоги, и это повторяется до тех пор, пока он не выучит мелодию».

Однако и этот театр прекратил свое существование в 1716 году со смертью царевны Натальи. Позднее Екатерина Макленбургская устроила маленький домашний театр в Измайлове, под Москвой. Руководила театром она сама, женские роли исполняли ее придворные дамы, а мужские – по большей части дворцовые слуги. Несмотря на удаленность от Москвы, на представлениях бывало немало народу. Впрочем, не всех привлекало туда желание посмотреть пьесу: Берхгольц жаловался, что при первом посещении этого театра у него украли табакерку, а в другой раз из карманов многих голштинских гостей пропали шелковые носовые платки. Позднее Петр задумал было пригласить театральную труппу из Гамбурга, но актеры так и не приехали в Россию. Два или три года на Мойке существовал крохотный жалкий театрик, где ставились пьесы в подражание французским, да еще и немецкие фарсы в скверных переводах. Однако при полном отсутствии интереса к театру у царя трудно было ожидать большого интереса и со стороны подданных. Как и сам Петр, они предпочитали более грубые зрелища: например, выступления жонглеров или канатоходцев. Особенно нравилось Петру смотреть на знаменитого немецкого силача Самсона, приехавшего в Россию в 1719 году. Между тем многие, и в первую очередь церковники, распускали слухи о том, что Самсон совершает свои подвиги не столько благодаря своей физической силе, сколько с помощью трюкачества, а то и колдовства. Раздраженный этими толками, царь во время очередного выступления атлета поднялся на сцену и заставил подняться туда нескольких видных церковных сановников, чтобы те наблюдали за представлением стоя как можно ближе. Самсон улегся на два стула, которые поддерживали только голову и ноги, а Петр, положив ему на грудь наковальню, молотом разбил на ней несколько больших кусков железа. Затем Самсон взял в зубы палку, а царь, ухватившись за ее концы обеими руками, попытался ее вырвать, но тщетно: силач даже не шелохнулся. Петр обернулся к публике и торжествующе объявил, что все свои чудеса Самсон творит исключительно благодаря недюжинной физической силе.

---

<sup>42</sup> Музеем, картинной галереей и библиотекой была при Петре I Кунсткамера. – *Примеч. ред.*

Во время своей второй поездки на Запад, в 1716–1717 годах, Петр с неослабеваемым интересом посещал и осматривал публичные и частные собрания картин и научные коллекции. Немало картин он купил и привез домой. Царь надеялся, что настанет время, когда в России появятся полотна, написанные не только иноземными, но и русскими художниками. С этой целью он отправил в Голландию и Италию на обучение группу способных к живописи молодых людей. Но еще больше, чем картинами, царь гордился приобретенными им научными коллекциями. В 1717 году он купил у голландского анатома, профессора Рюйша (чьи лекции и анатомический театр посещал еще двадцать лет назад, во время своего первого путешествия) всю его коллекцию, которая собиралась в течение сорока лет и была снабжена иллюстрированным каталогом под названием «*Thesaurus Anatomicus*» («Анатомические сокровища»). Приобрел Петр и коллекцию голландского аптекаря Себы, включавшую все известные виды сухопутных и морских животных, птиц, пресмыкающихся и насекомых Ост-Индии. Два этих знаменитых собрания легли в основу музея Академии наук, который Петр открыл в большом каменном здании на Васильевском острове напротив Адмиралтейства. Он имел обыкновение два-три раза в неделю, рано поутру, по пути в Адмиралтейство заходить в музей и осматривать экспонаты. Царь так любил свой музей, что однажды решил принять там австрийского посла. Когда канцлер спросил, не удобнее ли им будет встретиться в Летнем дворце, Петр ответил: «Ему ведь надобно видеть меня, а не мой дворец», – и принял посла в музей в пять часов утра.

По повелению Петра музей был открыт для широкой публики, и музейные служители показывали экспонаты, давая необходимые пояснения. Когда Ягужинский заикнулся о том, что с посетителей стоило бы брать за вход по рублю, дабы возместить расходы на содержание музея, Петр категорически отверг это предложение – он полагал, что входная плата отобьет у людей охоту ходить в музей. Не только вход должен быть бесплатным, настаивал царь, но и, кроме того, для завлечения посетителей нужно посулить им угощение – чашку кофе или рюмку водки. Эти расходы Петр оплачивал из своего кармана.

К коллекциям, вывезенным из-за рубежа, добавлялись новые диковины – такие, например, как найденные близ Воронежа бивни, принадлежавшие, как полагал Петр, боевым слонам, которых использовал в походах Александр Македонский, или обнаруженные на развалинах языческого храма на Каспийском побережье идола, сосуды и пергаменты с надписями на неведомом наречии. Близ Самарканда золотодобытчики наткнулись на множество древних латунных статуэток. Находки отослали сибирскому губернатору князю Гагарину, а тот препроводил их к царю. Фигурки изображали быков, минотавров, гусей, уродливых стариков, молодых женщин и каких-то идолов. У идолов рты были на шарнирах и могли открываться. Петр, с недоверием относившийся к религиозным суевериям, предположил, что жрецы использовали этих идолов, дабы говорить «их устами», якобы возвещая волю богов.

Помимо всего прочего, Петр стремился расширить кругозор своих подданных путем распространения книг и заведения библиотек. Царь собирал книги всю жизнь, особенно во время путешествий по Германии, Голландии, Франции и другим странам Западной Европы. В его личной библиотеке были представлены труды по широкому кругу вопросов, включая военное и морское дело, естественные науки, историю, медицину, право и богословие. Первоначально Петр держал свои книги в Летнем дворце, а затем, по мере роста библиотеки, их перевозили в Зимний дворец, Петергоф и другие резиденции. После кончины императора его книжное собрание стало ядром библиотеки Российской Академии наук. В 1722 году Петр разослал по старинным русским монастырям указ, согласно которому надлежало отыскивать в обителях древние рукописи, летописи и книги и отправлять их в Москву. Оттуда найденные в монастырях раритеты направлялись в Петербург, в личный кабинет императора. После его смерти большая часть этих бесценных документов была передана библиотеке Академии наук.

В Париже Петру так понравился зоопарк, что по возвращении в Россию он немедленно завел зверинец в Петербурге. Туда завезли обезьян различных пород, львов, леопардов и даже индийского слона, однако теплолюбивым животным приходилось нелегко в условиях холодной русской зимы. Хотя Петр распорядился построить специальный слоновник и обогревать его круглые сутки, слон с наступлением зимы протянул всего несколько дней. Другим диковинным зрелищем была колония самоедов или лопарей, обитавших на побережье Ледовитого океана. Каждую зиму они приезжали в Петербург на оленях и собаках и разбивали стоянку на льду Невы. Там, на огороженном пространстве, они жили точно так, как в одном из своих поселков на Крайнем Севере, демонстрируя национальный колорит и принимая подачки от любопытствующих. Впрочем, зеваки опасались подходить к ним слишком близко, – по слухам, самоеды «кусали незнакомцев за щеки и за уши».

Новые коллекции и предназначавшиеся для них здания появлялись в результате неумной любознательности Петра и его желания научить подданных тому, чему он научился сам. Из каждой поездки по России, а уж из-за границы и подавно он привозил все новые и новые диковины – инструменты, книги, различные модели и чучела животных. Оказавшись в любом, даже самом маленьком городишке, Петр непременно интересовался, что в нем есть примечательного – такого, чего нет в других местах. Как правило, его уверяли, что где-где, а здесь точно ничего нет заслуживающего внимания, но царь неизменно возражал: «Кто знает? Может, для вас и нет, а для меня так найдется. Дайте мне все посмотреть».

Одним из примечательных приобретений такого рода был большой Готторпский глобус. Петр познакомился с этим необычным прибором в 1713 году, во время посещения Гольштейн-Готторпского герцогства, в Шлезвиге. Глобус представлял собой огромную полую сферу диаметром одиннадцать с половиной футов. Его изготовили в 1664 году по повелению герцога Голштинского. Наружная поверхность являла собой сферическую карту Земли, а внутренняя – карту звездного неба. Поднявшись по ступенькам, зрители забирались внутрь глобуса и там, внутри, рассаживались на скамьях вокруг небольшого столика. Поворачивая рукоять, глобус можно было привести в движение, и зрители наблюдали вращение небесной сферы. Естественно, что столь хитроумное устройство привело Петра в восхищение, и когда от имени молодого герцога Карла Фридриха царю предложили принять глобус в дар, Петр заявил, что голштинцы не могли сделать ему лучшего подарка. Меншикову, который в это время командовал российскими войсками в Германии, было велено лично проследить за упаковкой и отправкой глобуса. У шведов было испрашено особое разрешение на беспрепятственную перевозку этого прибора по Балтийскому морю в Ревель. Зимой 1715 года огромный шар доставили на санях в Петербург. Однако глобус был чрезвычайно велик, и пришлось расширять дорогу – обрубать ветви, а порой и валить деревья, – поскольку Петр не хотел рисковать, демонтируя редкий прибор. Когда глобус привезли в столицу, Петр приказал разместить его в здании, выстроенном для погибшего к тому времени слона. Царь приходил туда каждый день и подолгу любовался своим приобретением.

Самым существенным и долговечным вкладом Петра в интеллектуальный прогресс России стало учреждение им Петербургской Академии наук. Идея академии была предложена Лейбницем, который основал Прусскую Академию в Берлине. Однако ученый скончался в 1716 году, когда Петр еще не был готов воплотить его замысел в жизнь. Впоследствии интерес царя к этой идее подогрело избрание его самого членом Французской Академии – после посещения Парижа. Письмо, в котором государь выражает согласие принять эту честь, лучится детским восторгом. В качестве первоначального вклада новоиспеченный академик отослал в Париж новейшую карту Каспийского моря.

28 января 1724 года, за год до смерти, император своим указом повелел «учинить академию». В тексте указа содержались пояснения, которые должны были помочь подданным уразуметь, что, собственно, вознамерился «учинить» государь. «К расположению художеств и наук, – гласил указ, – употребляются обычайно два образа здания: первый образ

называется университет, второй – академия или социетет художеств и наук... Потребнее всего ежели б такое собрание из самых лучших ученых людей состояло, которые способны суть науки производить и совершить, однако же, тако, чтобы они тем наукам и молодых людей публично обучали».

На содержание этого учреждения отпускалось 25 000 рублей в год – доходы с таможенных пошлин, взимаемых в балтийских портах.

Петр скончался прежде, чем Академия приступила к работе, – двери ее открылись лишь в декабре 1725 года. Первыми академиками стали семнадцать ученых, которых заманили в Россию из Франции, Германии и Швейцарии. Среди них были философы, математики, историки, доктора анатомии, права и химии, а также один астроном. Многие из приглашенных являлись первоклассными специалистами. К сожалению, в России не нашлось молодежи, достаточно подготовленной для того, чтобы приступить к университетским штудиям, а потому заодно с профессорами пришлось выписать из Германии восьмерых студентов-немцев. Но даже при этом в аудиториях собиралось меньше слушателей, чем было предусмотрено академической хартией, так что порой академикам приходилось ходить на лекции друг к другу.

Академия начала действовать в стране, где недоставало начальных и средних школ, и этот парадокс не ускользнул от внимания современников. Однако Петр умел заглядывать в будущее. Отметая возражения скептиков, он говорил: «Мне приходится собирать обильный урожай зерна, но мельницы у меня нет, как нет поблизости и воды, дабы водяную мельницу построить. В отдалении же воды достанет, да токмо времени на рытье канала у меня нет, ибо чаю я, что и жизни моей на сие не хватит. А стало быть сперва строю я мельницу, а уж потом велю рыть канал, ибо сие лучше всего побудит преемников моих подвести воду к построенной уже мельнице».